

ТЯЖЕЛАЯ ШТАНГА—ИСКУССТВО

ЦИРК

СПРАВКА

Гриша Новак. Григорий Новак. Григорий Ирмович Новак. Чемпион Украины (средний вес) 1937 года, десятикратный чемпион СССР, первый советский чемпион мира (1946 год), заслуженный мастер спорта СССР, заслуженный артист РСФСР, 42 всеюзовных и 69 мировых рекордов по тяжелой атлетике.

КАДРЫ КИНОХРОНИКИ

Париж. Ярко освещенный помост. Шуплый, невзрачный на вид спортсмен толкает огромного веса штангу. Спокойные руки. Уверенная, неторопливая походка. Резкое, неуловимое движение. Сначала тишина. Затем гром оваций.

Другие города мира — эта же сцена.

ПРЕССА ТЕХ ЛЕТ

Новак — это «чудо-человек», «подъемный кран», «железный мальчик», «фабрика рекордов»...

МАНЕЖ КИЕВСКОГО ЦИРКА

Белая длинная лестница. Напряженная пауза. Постепенно замедляющаяся музыка.

Сосед справа: — Где же он? Луч прожектора — на невысокого, увешанного медалями человека.

Сосед слева: — Это он?! А где же обещанный двухметровый гигант?

Голубой круг. Золотистые шары гири, черные диски металла. Новак изыщно, блистательно легко вырывает одной рукой 30-килограммовую штангу. Гири — как мячики, только успевай смотреть. Атлет ложится на специальную подставку. И вот уже наверху (конструкцию он держит руками и ногами) мчатся мотоклистки по небольшому треку.

Сосед слева: — Здорово!

Сосед справа: — Алехсеев смог бы выжать и больше.

Впечатления автора. В детстве в старом Киевском цирке, что находился на углу Красноармейской и Саксаганского, я видел такой номер. Огромный откормленный атлет бросал высоко в воздух двухпудовую гирю, подставляя шею толщиной в ствол дерева и подкидывая металлический мяч на ней несколько раз. Он поднимал грузную телегу, вертел в руках, как тросточку, тяжеленную булавой. Все это было очень впечатляюще. Мы, мальчишки, смотрели на геркулеса широко открытыми глазами. Ведущий, помнится, представлял атлета так: он никогда не занимался спортом, родился таким. Для того, чтобы сделать то, что делает он, ему приходится съедать столько-то килограммов мяса, выпивать столько-то литров молока... Мы уходили из цирка ошеломленные, убежденные в исключительности этого уникума, а на штангу, гири потом смотрели с опаской. История цирка знает и не такое. Старый цирк и современный

западный) изобилуют выступлениями сверхчеловеков, монстров... Бывший рекордсмен мира, небезызвестный американец Андерсен и сейчас на потеху публики поднимает гигантские сейфы, другие циркачи — машины, лошадей...

В «Атлетической поэме» Григория Новака и его сыновей нет этих сногшибательных трюков. То есть нет устрашающего величия грубой физической силы. Атракцион Новака — это «железная игра», это мини-спектакль, где главным герой — вовсе не штанга, не вес, не останавливающий сердце трюк, а человек, которому после определенных тренировок доступно то, что делают артисты на манеже. Не «тягачи» — артисты.

В этом суть атракциона.

Новак не кичится своей исключительной силой, хотя она и огромна, он показывает, как это прекрасно — быть сильным и здоровым. В его выступлениях есть подлинный артистизм, искусство зрелого художника, рисующего картину человеческих возможностей, в них присутствует портрет атлета — человека. Это красочное представление, после которого (искусство заразительно) хочется и самому взяться за гриф штанги.

Г. И. Новак:

— Меня часто спрашивают, почему я бросаю спорт, имея такое преимущество перед своими соперниками. Я обычно отвечаю: из спорта я нигде не уходил, наоборот, сейчас я ближе к нему, чем когда-либо, ибо пропагандирую спорт посредством искусства, пропагандирую гармоничность человека. Стараюсь раскрыть секреты красоты.

Я против монстров и атлетических чудилищ на арене. Цирк должен приносить эстетическую радость, а не страх.

СТРАНИЧКИ ИЗ ЖИЗНИ

В погожий летний день на киевском пляже, где Гриша Новак, убежав в очередной раз от родительских наставлений, совершал свои замысловатые акробатические трюки, к нему подошел мужчина.

— Хочешь заниматься тяжелой атлетикой?

Через три месяца после этого приглашения никому не известный паренек выиграл молодежное первенство города.

А в 1939 году в Киеве те, кто интересовался спортом, узнали, что начала действовать «странная» школа — акробатическая. Ее руководителем был Григорий Новак.

Новак в пятнадцать лет был блестящим верхним в акробатической группе, затем, когда стал посильнее, — нижним. Сегодня, глядя на представления прославленного тяжелоатлета и артиста, мы видим: «акробатическое прошлое» не пропахло зря. Акробатика украшает, де-

лает более грациозной и эстетичной «Атлетическую поэму».

ХАРАКТЕР

Был такой случай. Григорий поспорил с одним легкоатлетом (Новак тогда еще не был знаменит), что пробежит стометровку со стокилограммовой штангой. Легкоатлет иронически улыбнулся... Новака эта улыбка подхлестнула: «Пробегу, чего бы это ни стоило». И пробежал, к изумлению соперника, стометровку «с нагрузкой» за 18 секунд.

Это качество его характера потом проявлялось много раз.

...Мне сказали: к Новаку нельзя — грипп, высокая температура. Григорий Ирмович, узнав, что к нему «рвется» журналист, сам позвал. Артист лежал в жару. По существующему положению он мог отказаться от выступления. И мне, признаться, с трудом верилось, что он, если даже и выйдет на манеж, сможет выступить в своем стиле. Мои сомнения оказались напрасными: артист выступил с блеском. Никто и не заметил, что он болен. Потом он сказал: «Сотни людей пришли в цирк, и я не мог их подвести».

СПРАВКА

Аркадий Новак (старший сын), 33 года, мастер спорта, трехкратный чемпион молодежного первенства Москвы, рекордсмен спортобщества «Буревестник», окончил Московский институт физкультуры.

Роман Новак с отцом выступает с пятинадцати лет, выпускник того же института, что и брат.

В атракцион отца сыновья вписались удивительно органично, они физически очень сильны, но не браврируют этим.

Аркадий: — Вы бы посмотрели на меня в детстве. Более худощавый, чем я был, трудно представить. А уж стеснительным... При людях боялся разговаривать. Отец гонял меня, как сидорову козу. С восьми лет я занимался акробатикой, потом — другими видами спорта. А вот на штангу меня поначалу не взяли — испугал я тренера своим внешним видом. Уговорили его все-таки. Увы, и к семнадцати годам я не намного изменился. Отец уже было зачислялся в свою систему. Но взрыв произошел. Предрасположенность к пороку сердца, другие хвори, которые за мной числились, неизменно куда делись. Так что, как видите, отец не только на арене и на лекциях (он еще и член общества «Знание») пропагандирует спорт.

Роман: — Сейчас в цирк приходит много спортсменов. Некоторые из них считают, что здесь полегче. Отец пришел на манеж, потому что он артистически одарен. И мы у него учимся его творческой мудрости.

Вопрос и обоим братьям — А проблема «отцов и детей» у вас существует?

Аркадий: — Нет.

Роман: — Разве что, когда рождается номер.

— А как он рождается?

Аркадий: — Программы у нас постоянно меняются. На моем веку это уже четвертая. Атракцион рождается трудно. У каждого из нас, разумеется, тысяча гениальных идей. И вот сидим за столом уборной (за домашним редко приходится почти все время гастроли. Кстати, у нас актерских репетиций как таковых нет — все делается в кабинетной тишине) и спорим, ругаемся, опровергаем друг друга. Побеждает, как правило, тот, у кого самая разумная идея. Почему-то чаще всего такие идеи возникают в голове отца.

Роман: — Опыт, талант, ничего не скажешь. Он ведь и режиссер, и сценарист, и исполнитель, и, что бывает нередко, администратор вот уже на протяжении стольких лет. Трудности заключаются еще и в том, что у нашего жанра нет предшественников, сравнивать свои выступления нам не с кем.

Г. И. Новак: — Захватывают отца... Но, в общем-то, все верно. И то, что у нас нет предшественников, и то, что приходится все делать самим.

С одной стороны, это хорошо — конкуренция отсутствует, с другой — плохо: варимся в собственном соку, никто помочь не может. Да и конкуренция все-таки желательна. Как в спорте — выше результаты будут.

— Григорий Ирмович, не тяжело вам выступать? Я знаю, в месяц вы даете более сорока представлений. Сколько это поднятых тонн? Да и возраст все-таки...

— Считать, сколько я поднял, не люблю. Хотя есть один знакомый дотошный статистик, который все-таки подсчитал: за все время, что выступаю, я поднял где-то более 80 миллионов тонн. Действительно, я «пенсионного» возраста (артисты цирка «списывают» через двадцать лет работы). Но нет — не устаю. Что штанга! Тяжелей другой груз — искусство. Время не стоит на месте, да и зритель нынче пошел взыскательный.

— Есть цирковые династии Дуровых, Кыно... Их истоки уходят в прошлое. Восьмая династия дала только второе поколение. Думали ли вы, Григорий Ирмович, над тем, что «древу» не должно засохнуть?

— Нет. И не собираюсь над этим ломать голову. Не хочу ни внукам, ни правнукам (дай бог дожить до появления их) навязывать свою профессию. На первозадания и даже на мастера спорта человека можно «выучить», сделать талантливым — нет. А вдруг у моих потомков такого таланта не будет?

А. РОГИНСКИЙ.

«КОМСОМОЛЬСКОЕ ЗНАМЯ»

5 июня 1973 г.

3 стр.

КОМСОМОЛЬСКОЕ ЗНАМЯ

Г. Киев